

От автора:

Жанр ладанок вырос из стихов и коротких эссе.

Ладанки – это то, что ближе всего к сердцу: юмор, размышления, представление окружающего мира и человеческих характеров, коллизии моей собственной судьбы.

* * *

Природа не отдыхает, врываясь в новые ручейки, засеивая просеку сосновыми семенами, перелистывая мудрую книгу... Мне лестно, что сын, наделенный от природы писательским чутьем, пишет стихи. Отраднo и то, что он не оставляет этот умозатратный, душедробительный, невостребованный труд и продолжает творить, получая весомые оплеухи от маститых поэтов: «С чужого голоса поет...»

Меня тоже били и трепали за вихры местные поэтические знаменитости: «Можешь не писать – не пиши», «Занимайся своим пожарным делом, служи, воспитывай сына – в поэзию не суйся...», «Говорят, ты книгу за свой счет выпустил? Поистине, «...бездарности прорвутся сами»».

После таких слов хотелось по-страусиному зарыться головой в песок... Но я зарывался в книги и читал, читал. Моими учителями были Иван Бунин, Сергей Есенин, Николай Заболоцкий, Олег Чухонцев, Глеб Горбовский, Геннадий Красников, Николай Рубцов, Игорь Шкляревский, Иосиф Бродский. Нередко прочитанная строчка, прочувствованная мысль любимых поэтов подталкивали меня к осмыслению своих образов и чаяний, распяляли воображение, оттачивали мой поэтический карандаш до понимания сути музыкальности, художественности и преемственности поэтического мастерства, о чем думали, на что надеялись мои кумиры: «И новый Дант прильнет к листу и на пустое место вставит слово».

Сын зачитал до дыр взятые у меня книги: «Избранное» Николая Гумилева, «Стихи» Саши Черного, «Цветы зла» Бодлера. Взял и не отдает (просил вернуть!), не отдает тонкие ученические тетрадки моих первых детских стишков. Что может выудить пыльное чадо из дурных, глагольных, подражательных опусов? Тешит ретивое? Или щадит? Наверняка щадит, чтобы я не замечал огромной разницы между моими ТЕМИ и его НЫНЕШНИМИ стихотворениями, с которыми я все же не всегда согласен. И пусть не молчат, пусть скажут отцы-борзописцы свое нравоучительное «фи» молодому поэту: «С чужого голоса поет», и тем польстят творческому человеку, бегущему звонким лесным ручейком к берегам большой поэтической реки.

* * *

Хочешь приобщиться к вечности? – взгляни на Солнце: до всплеска зрачков, до слез, до яркой слепоты! Боль улыбнется тебе, спрятав глаза в мудрых щадящих морщинках... Нельзя прикоснуться к вечности и не обжечься... Постои вот так, смежив веки. Почувствуй вспыхнувшей радужной роговицей прикосновение огненных протуберанцев, дуновение горячего времени... И ты увидишь солнце. Это будет легко и совсем не страшно.

* * *

Проездом в Подмоскowie разговорился с дачником – генералом милиции. Раньше сажал людей. Теперь сажает сад. Гордится и тем, и другим. Счастливый человек...

* * *

Кстойке бара подмосковного пансионата «Липки» подсел братан. По бритой бандитской голове и кожаным хрустящим плечам было видно, что никакого отношения и интереса к проходящему в Липках Форуму молодых литераторов России он не имеет. В легкой сигаретной дымке за его спиной порхали двое здоровенных жлобов. Поведя глазами по сторонам, пахан заинтересовался моей скромной нахохленной персоной:

- Борьбой занимался?
- Было. До армии. 2-й юношеский разряд по дзюдо...
- То-то я вижу – руки крепкие... А служил где?
- В Казахстане, на китайской границе.
- Да ну? Зёма! Я же три года на Атбасарской зоне чалил!

По мановению щедро окольцованной руки на стойке запенилось пиво, зазолотились перченые чипсы... После простой задушевной трапезы поинтересовался, «что делает братан в этой крутой дыре?»

- Я поэт...
- Кто-кто?
- Форум у нас молодых писателей...
- То-то я смотрю, колодка у тебя не нашенская и глаза – в очках. На Грибоедова похож. Ну, протарахти что-нибудь конкретное...

Прочел я пару лирических стихотворений. О родине. О маме...

Расчувствовался зёма, расцеловал меня в обе щеки и ребят своих подозвал:

– А ну еще, брат, для пацанов... Нахлебались они баланды – без любви, без мамки – на две жизни хватит...

Вечер поэзии завершился так же неожиданно, как и начался: кто-то у бара, расслабившись в ритмах стихийно начавшейся дискотеки, моего собеседника в плечико толкнул... Хрустящие спины братанов, сомкнувшиеся перед зазвеневшей стойкой, позволили мне незаметно ретироваться в направлении своего гостиничного номера.

* * *

Сержант Краско, здоровенный сердитый хохол с ярким седым чубом, – гроза дивизиона! – дома мягкий незлобивый человек. В летний каникулярный отпуск пригласил сержант к себе на родину в Крым, в поселок рядом с городом Судак, друзей-батареицев. Мать Краско быстро собрала на стол. Тут было все, чего душа просит: молодые огурчики и помидоры, свежая зелень, наваристый борщ, мясо разных сортов, жареное, пареное, печеное... Ух! А сержант Краско, оглядев уставленный яствами стол, всхлипнул, по-детски выпятив губу:

- Маманя, а сало?!
- Ой, Сереженька, сейчас, сейчас в погреб спущусь!

Чуть-чуть маманя рідному малятке торжество не испортила.

* * *

Каждый раз заезжая в лесной поселок, знакомый с детства, я наблюдаю восстановление старинной каменной церкви. Вот – выросли и заблестали на солнце золоченые купола. По прошествии времени на арочных окнах появились застекленные ажурные решетки. Недавно обновленную алтарную преграду украсил дорогой иконостас... А рядом с церковью стоит заброшенный с начала 90-х годов кирпичный книжный магазин. Стоит без окон и дверей поселковый «Книжкин дом», двери которого я открывал с благоговейным трепетом! Ведь здесь – на узких полках – возлежало неведомое городскому мальчишке богатство – дефицитные детские книги! В деревенских леспромхозовских магазинчиках такое случалось, даже в середине 70-х... Купленные книги открывали двери неизвестного и таинственного мира Земли, рождали во мне радостное чувство обретения любви и дружбы... И это неразрушимое чувство, осененное красотой церковных маков, оставляет надежду на чудо.

* * *

В начале 90-х, на волне всего нового и халявного, отправили меня от пожарки, как дисциплинированного кадра, отставного военного, в добровольно-принудительном порядке в служебную командировку в Финляндию – за гуманитарной помощью. На инструктаже строго-настрого наказали «на русском не болтать, дабы не осложнять гуманитарную поставку необходимого пожарной охране груза проявлениями финского национализма».

В Йозенсуу, получив добро на вывоз ношеного застиранного барахла, встали мы на страже двух ярко раскрашенных рефрижераторов, куда организуемая сторона все собранное добро впинула. Стоим час. Два. Вечер уже. Народ прибывает любопытствующий. Командированным, по особому случаю, новый камуфляж выдали – без знаков различий. Ну, военные и военные... Так нет! – каждый встречный-поперечный желает материю пощупать, в глаза заглядывает: кто да откуда? Как объяснить финским гражданам, не зная языка, даже самого скромного английского, что мы не местные, что за трусами и майками вашими приехали? Ребята хохочут. Мне, как старшему команды, с ними объясняться надо. Стою я на виду, как дырн в ведре, и спрятаться негде. Обыватели уже пуговицы на камуфляжной куртке откручивать начали от чрезмерного усердия узнать что-нибудь интересенькое. Тут я не выдержал и выпалил финнам свои языковые познания:

– Парле ву франсе?

Зеваки от неожиданности рты пооткрывали. А я в наступление пошел, в самую толпу.

– Кеске се? – говорю. – Алегер ком алегер!

После допроса плененного французского легионера (спасибо военному училищу!) экскурсию как ветром сдуло. Поди знай чего французские военные в Суоми делают... А там и мы домой заторопились.

В Петрозаводске бойцы «гуманитарку», никем не востребованную, под ветошь приспособили – цистерны драить.

* * *

Жена решила навести порядок в старых родителеских альбомах. Раскладывает фотографии по кучкам: 19-й век, 20-й, 21-й... В зависимости от века растут стопки черно-белых карточек, потертых на сгибах, хранимых у сердца. Картонные портреты. Семейные истории. Выразительные лица. Сороковые... Шестидесятые... Встречи. Юбилеи. «А вот и наше свадебное фото!» Сошелся пасьянс – длиною в жизнь.

* * *

Самая известная, грустная, философская и короткая притча о сущей и проходящей жизни, созданная человечеством и служащая предисловием ко многим сказкам: Жили... Были.

* * *

В перерыве занятий по пожарной профилактике разговорился я с одним бывалым огнеборцем. Как служба. Чем коллектив дышит.

– Чем дышит, чем дышит... Из кислородных аппаратов сутками не выключаемся! Лето – самое щедрое на чрезвычайности время. Хорошо хоть ребята свои – с полуслова ситуацию понимают. В любой момент плечо подставят...

Как-то я не в свой пожарный караул на подмену попал. Новый начальник, новые порядки. И ко всему прочему в категорийный пожар вляпался! Одним из первых в подъезд ворвался. Из квартиры на девятом этаже угорельца вынес. А лифт не работает. Пришлось мне мужика на своих закорках эвакуировать. Пока я этого бугая тяжеленного по лестнице пер – он еще судьбе сопротивлялся. А как на площадке первого этажа растянулся – никаких признаков жизни. Ни на что не реагирует. Я – ухайдоканный, запыхавшийся, мокрый – трясусь бедолагу что есть силы, к стене прислонил – может, откашляется – ноль эмоций! Сердце не прослушивается. Тут я вконец осерчал – их спасаешь, а они все окочуриться норовят! – и как врежу мужику с досады кулаком в грудину, аж хрустнуло там что-то. Да не хрустнуло, а булькнуло! У бугая рот вместе с глазами открылся: задышал милый! Заквохтал, зашелся в кашле. Это я ему одним ударом сердце завел, как бабушкин будильник. А ведь мог и оконфузить меня перед другим караулом: чего, мол, пострадавшего с места происшествия упер? А чем ты с ним на площадке занимался? Тьфу, срамота. Уж лучше со своими – и в огонь, и в воду...

* * *

На заседании Комиссии по чрезвычайным ситуациям Правительства Карелии председательствующий, важный и грузный генерал в отставке, начальник гражданской обороны республики, подводя итоги дня, с необоримым за десятилетия безупречной службы на Севере малороссийским говорком пробасил: «Голосуем в целом за решение КЧС. Кто «за» – поднять руки, кто «против» – опустить...»

* * *

На краю проселочной дороги замерли люди – в лесу кукует кукушка: ку-ку, ку-ку. Десять, двадцать, двадцать пять... Кому из стоящих на обочине дачников кукушка считает года? Выхрастому мальчишке или этой задумчивой женщине? Кому, кому? Тридцать, тридцать пять...

Устал слушать. Иду своей дорогой. Не для меня кукует кукушка...

* * *

Вроде бы не задалось лето... Но сколь удивительным, жарким выдался август! По старой заросшей лебедой и дремучей малиной узкоколейке курится, освященный Медовым Спасом, дух предосенних трав – соборный, благостный и сладкий. Неровные шпальные ступеньки праздничного и уже покинутого паствой храма уводят в Небо...

* * *

Сговорившись с ребятами из пожарной части и подогнав к подъезду грузовую «Газель», попросил я их после работы вещи из одной пятиэтажки в другую доставить. С четвертого этажа – на третий. Заранее все подготовил. Связал. Упаковал. Заклеил скотчем. Думали – восьмером быстро управимся! Диван, книжные полки и тумбочки пошли на ура. Но когда очередь дошла до платяного шкафа, намертво обмотанного скотчем, ребята встали. Ну и тяжесть! Будто из мореного дуба гардероба мадам Грицацуевой мебель. По сантиметру лестничную клетку одолевали. С грохотом и скрежетом деревянную громаду в фургон впихивали. На третий этаж вшестером еле-еле подняли. На каждой площадке по десять минут отдышаться не могли. Наконец шкаф встал на свое место. Брандмейстеры пот со лба обтерли. Водички попросили. И еще попросили переезды пореже делать. Спины их пожалеть...

Потом я всю прочую легкую мебель по углам расставил. Книжку, выпавшую из коробки, полистал... Дошла очередь и до шкафа. Резанул я скотч. Распахнул створки. А там – боже правый! – мои армейские шинели, бушлат, кителя. За пятнадцать лет службы накопленные. Я их специально в коробки не упаковывал. Хотел на старой квартире оставить. Да впопыхах забыл из шкафа выбросить... Я ребятам ничего про шинели говорить не стал. Во избежание неадекватной реакции. А про

себя подумал, что мы зачастую сами себе чрезвычайную ситуацию навязываем, вернее, скотчем обтягиваем, вместо того, чтобы лишний раз сделанное проверить. Так. На всякий пожарный.

* * *

Не бывает бескрылых людей. Бывает бескрылое покойное однообразное существование... Счастье, оно, конечно, вместе с сердцем выпархивает из груди: при виде долгожданного любимого человека, милой ужимки ребенка, неожиданного и приятного подарка судьбы! Но, как мне сказал один знакомый пасечник, столкнувшийся нос к носу с вывалившимся из леса медведем: «И страх – окрыляет...»

* * *

Она так умело скрывала свой возраст... В строгом мужском военном коллективе старалась угодить всякому вышестоящему начальству. Заваривала чай. Бегала в магазин за сушками. Накрывала столы по случаю профессионального праздника или присвоения очередного воинского звания. Она была всюду, она была всем: другом, сослуживцем, секретарем, посудомойкой, а при случае – цепным цербером кабинетных тайн. Однажды ее чрезмерная забота, участливые взгляды и веселое щебетание вывели из себя самого командира. Любимый начальник назвал ее бабушкой, бестактно, при офицерах, напомнив женщине о новорожденной внучке, во что моложавая сотрудница упорно отказывалась верить... Мимолетная обида затопила берега переживаний, участились нервные срывы, нарекания по работе, за сим последовало и скорое увольнение в запас. Никогда ранее не унывающая хохотушка, неожиданно для себя оказавшись рядовой пенсионеркой, замкнулась на все ключи. Стала редко выходить в люди. Изменила прическу, привычки, утратила вкус к хорошим вещам. После того как ее перестали узнавать на улице родственники и сослуживцы, отключила телефоны, дверной звонок, свет, газ... Никто и не заметил, как ее не стало.

* * *

– Уф! Еле догнал! – повернулся ко мне лицом маленький запыхавшийся человечек. Отдышался. Кепку, на глаза нахлобученную, скинул. – Уф!

С трудом – в мелких чертах лица, в щелках бесцветных улыбчивых глаз – угадал бывшего соседа по пятиэтажному «муравейнику». Отца-героя. Шутка ли – десять ребятишек на ноги поставил. Образование дал. Ютилась семья мужичка в четырехкомнатной квартире длиннущего восьмиподъездного дома, в котором и мне когда-то посчастливилось обитать. Где только он не работал. И на заводе. И дворником. А в 70-х подъезды нашей пятиэтажки со всем семейством убирал. Сколько воды утекло... На дворе – второе десятилетие двадцать первого века.

– Ты, – говорит, – в 84-й живешь? Вот, держи!

Мужичок вытащил из большой хозяйственной сумки бронзовый, тяжелый, вычурно выбитый квартирный номер.

– Дверь в новом доме меняли на железную. Я пособил, чем мог. А номер скрутил... Не на помойку же выносить. Вот, пригодился...

Сунул мне в руку железку и ринулся в толпу.

Чудно! Я уже 15 лет не живу на родной улице. Уж забывать начал, сколько квартир было в родительском доме. Сто. А может, и больше. 84-я... Странный, неожиданный и дорогой сердцу подарок. Я даже не успел поблагодарить маленького юркого человека. Спасибо... Спасибо тебе, друг, за все. За заботу, за воспоминания. Будто выплыл из легкой радужной дымки наш дом. И все мы вместе. Отец. Мама. Соседи, дружно высыпавшие из квартир на празднование Нового года и строительство футбольной площадки... Большое детство большого двора. Чего не вернуть, никогда не вернуть... Какая сладкая и горькая штука – память.

* * *

Вокзал Пятигорска. Выйдя из электрички, интересуюсь, как добраться до Домика Лермонтова. Кто-то посоветовал сесть на маршрутку от Верхнего рынка. А там – рукой подать... Надо заметить, что маршрутки на Кавказских Минеральных Водах уплотняются особым образом. До крыши... Сажусь. Все сиденья заняты пассажирами, котомками, мешками. В переполненный автобус вваливается деревенская тетка с тяжелой хозяйственной сумкой. Пройдя в глубь салона, как ни в чем не бывало плюхается на мое колено:

– Люсь, иди сюда! Здесь место пустое имеется!

На второе мое колено приземлилась Люся... Слава богу, дом-музей погибшего на Кавказе поэта был недалече.

* * *

Вдоль снежной утренней дороги в колючей северной темноте горят костры. Чем вызваны эти неожиданные теплые всполохи в смутном заиндевелом автобусном окне? Зачем в столь ранний час за проплывающими деревьями пылает огонь? Или это братья-месяцы собрались на рождественский круг? Или обездоленные люди тянут к теплу озябшие на морозе руки?.. Слышу голос задремавшего было соседа:

– Это кладбище. Народ хоронят...

На деревенских погостах жгут мерзлые могильные ямы, запаливают автомобильные покрышки, чтобы отвоевать у суровой зимы кусочек талого суглинка, чтобы отгорели погребальные костры Вечно Неустроенной Жизни...

* * *

Маленький мальчик прыгает вокруг бабушки на Муличной остановке. Белобрысая причесанная головка, нарядный костюмчик, в руке – пирожок с повидлом. Наверное, в гости собрались.

– Бабушка, а почему собачка ножку у забора поднимает, когда писает?

– А-а... это чтобы забор на нее не упал... Хватит глупости спрашивать! И не вертись. Сейчас автобус придет...

Вдруг малыш на полном скаку останавливается, затихает и осторожно дергает бабушку за сумку:

– Бабушка, у меня что-то в штанишках потекло...

– Э, милый, не быть бы поносу...

– Не, бабушка, не по носу, по ножкам течет.

* * *

В свой день рождения – моя хорошая знакомая – 45-летняя юбилярша заказала на «Русском радио» разбитную песню Верки Сердючки «Все будет хорошо». В назначенное эфирное время гости отложили вилки и приготовились поддерживать счастливую «ягодку» заводным танцем. После дежурных, а-ля жизнерадостных фраз диджей объявил: «А сейчас для наших юбиляров (далее прозвучал длинный список новорожденных от 45 лет и выше) прозвучит русская народная песня «Ничто в полюшке не колыхнется»...»

* * *

«Солнце на спицах, синева над головой...» Я и не предполагал, что образ из этой наивной услышанной когда-то песенки как-то сам собой

слепится в тощую, несуразную фигуру нашей соседки по лестничной площадке, выжившей из ума одинокой старухи, которая в любую погоду выходит из дома с порванным, продавленным во всех местах китайским зонтиком...

Ее прозябание во дворе в середине сухого июля – с раскрытым зонтиком, в старом линялом зимнем пальто напоминало пробившийся сквозь асфальтные трещины облетевший одуванчик...

* * *

Почти каждую весну – в день памяти отца – я замечаю пожилого человека, приводящего в порядок соседний участок на кладбище в Сулажгоре, – как он преобразует осиротевшую за зиму, засыпанную ветками и листвой могилку, очищает и красит металлическую ограду, прикрепляет саморезами на постаменте – вместо старой – новую фанерную звезду. Подолгу сидит на деревянной скамеечке, поправляя бумажные цветы, бережет память о неизвестном мне дорогом человеке.

И каждый год – окрест безлюдных участков, поваленных тумбочек, крестов и оградок, неухоженных памятников со срезанными на цветмет никелированными пирамидками и ангелочками – горит его красная фанерная звезда.

* * *

В прошедшем году в Петрозаводске прошли соревнования по тайскому боксу под девизом «За Святую Русь!»... С таким же успехом можно провести в Таиланде первенство «За Золотой Восток!» по русскому рукопашному бою.

* * *

Доморощенная попытка японского стихосложения: «С огромной мусорной кучи посередине двора взлетела бабочка... то фантик был».

* * *

Когда сборная России по футболу проигрывает в решающем отборочном матче чемпионата мира со счетом 0:3 и до полуночи, как и до конца 2-го тайма, осталось 30 минут – есть еще надежда, есть надежда! – стиснуть кулаки, стиснуть зубы, стиснуть веки и... постараться уснуть, чтобы не видеть этого безобразия!

* * *

В сорок пять лет поменял паспорт. Посмотрел время следующего обмена – прочерк. Дальше – бесконечность. Пенсия. Старость. Ненадобность и череда скучных, предсказуемых настроений. Все правильно. Жестко. Рационально. С возрастом принято оглядываться на отболевшее прошлое, а не бросать взгляд в дряблую неизвестность. Что прошло – то мило. Вот таким – розовощеким, ухоженным, милым брюнетом – тебя и запомнят. Приличная фотография. Бессменный паспорт... Но почему-то хочется, очень хочется потерять и заменить орластую паспортину лет эдак через двадцать!

* * *

В маленький магазинчик у автобусной остановки забегают ученики соседней школы. За сладостями. Одеты ребята во что попало. Даже зимой – футболки, топики и укороченные джинсы. Своей озябшей показной взрослостью кичатся... Одна легко и ярко одетая девочка толстуха, стоя на выходе из магазина и поджидая друзей, пьет из пластиковой бутылки какую-то оранжевую газировку:

– Здорово! – толстуха наконец-то отлипла от бутылки и повернулась к стоящему рядом долговязому подростку. – Мы с девочками эту «Апельсинку» всегда покупаем. Клево жажду утоляет!

– Апельсинка-обоссынка! – хохотнув, опустил взлетевшую к небесам на сладких газированных пузырьках подружку шкодливого пацан. – Из-за нее вы с урока на перемену пулей вылетаете и у туалета толчетесь...

– Да мы это... – обомлела подруга. – Чтобы покурить успеть!

– И курить, и гадость эту пить вредно, – не унимался насмешник. – Ты же будущая мать!

– Дурак! – выпалила густо покрасневшая девочка, двинула могучим плечом стеклянную дверь и скрылась в морозном облаке светлого школьного дня.

* * *

Иногда, когда очень спешу на работу, прохожу старыми довоенными дворами, где стоит подремонтный в 70-е годы дощатый барак, где раньше жила моя бабушка. Обходя стороной зазеленелые и по-весеннему яркие собачьи неожиданности, замечаю у мусорных контейнеров ба-

бушкину соседку Валентину, опустившуюся пьянчужку в замусоленном коричневом драповом пальто с бело-синей динамовской шапкой-петушком на голове. Выуживая из кучи праздничного восьмимартовского мусора очередную пивную банку, Валентина бросила на меня равнодушный бесцветный взгляд. На испитом, бывшем когда-то красивом лице заскрежетала редкозубая улыбка:

- Олег, подойди сюда, чё скажу!
- Не могу. На работу опаздываю!
- Олег, дай семь рублей на пиво, уважь соседку!
- Да у меня мелочи – только на проезд и хватит.
- Ну... Хотя с праздником прошедшим поздравь.

Женщину!

– С праздником тебя, Валя, счастья тебе и здоровья на долгие годы!

– Вот это правильно! Вот за это спасибо! Неожиданно, но приятно, – завершила свое выступление Валентина, прижав к груди дырявый мусорный пакет...

* * *

Первомайская демонстрация. Множество воздушных шаров. Серьезных портретов. Радостных лиц. После нескольких остановок – народная река вытекла на главную городскую площадь имени Кирова. Актер Драматического театра Владимир Мойковский будил своим бодрым баритоном хриплые столбовые громкоговорители: «Слава КПСС! Слава советским машиностроителям!..»

А мы с отцом жались к центру длинного плаката, растянутого в середине колонны Онежского тракторного завода.

А с самого края – ближе к камерам Карельского телевидения, расставленным у трибуны – шла наша мама.

Вечером мы все вместе смотрели сокращенный (за неимением эфирного времени) повтор демонстрации. Все весело, пестро и общо мелькало на черно-белом экране телевизора «Рекорд». Но проходящую близкую, красивую маму было отчетливо, празднично видно всей нашей молодой республике!

Так маму настигла слава.

* * *

Что мне нужно сделать в оставшиеся годы жизни? Написать книгу. Сохранить любовь. Понять сына. Чаще видеться с братом. Подольше общаться с другом. Уберечь от стылого северного ветра и тяжелого карельского снега на дачном участке саженец каштана, непривычного к нашим холодам... По мере сил быть полезным людям. С достоинством встретить смерть. И даже после оной остаться человеком.

Вот такой план. Если вообще можно что-то знать о промысле Божьем и уж тем более планировать грядущее...

Уберечь бы саженец да сохранить любовь.

□

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске.

В 1988 г. окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище.

Подполковник внутренней службы в отставке.

На данный момент продолжает трудиться в одном из подразделений регионального МЧС.

Публиковался в журналах «Север», «Карелия», «Урал», «Уральский следопыт», «День и Ночь», интернет-журнале «Пролог», «Юность»,

«Наш современник», еженедельнике «Литературная Россия».

Автор трех книг стихов и двух книг прозы.

Член Союза писателей России.

